
Ю.В. Матвеева

ДРУГАЯ ПРОЕКЦИЯ

(ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В СУДЬБАХ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ)

Тема Великой Отечественной войны в русской литературе XX века – одна из самых масштабных и одна из самых трагических, не только по своему материалу, но и по той раздирающей неоднозначности, которая с годами не уменьшается, а лишь нарастает. И все-таки, чем больше мы узнаем, тем больше кажется, что и это не всё, что есть до сих пор недопонятые страницы военной истории и непрочитанные книги о войне. Именно к такой – непрочитанной, недопонятой, недооцененной – относится «военная» литература русского зарубежья, которая существенно дополняет и расширяет столь укоренившуюся военную тему отечественной словесности.

Юлия Владимировна Матвеева – доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века Уральского государственного университета (г. Екатеринбург).

Это не батальная и не окопная правда, это даже не срывание всех и всяческих масок, всяческой позолоты, это просто д р у г а я правда, нам, российским читателям, чаще всего мало доступная, долгие годы и даже десятилетия надежно табуированная: судьбы советских военнопленных; запроволочный быт немецких лагерей; жизнь на оккупированных территориях; выдача в 1946 году союзническими властями бывших советских граждан; судьба тех, кто оказался в рядах РОА; участие в войне русских эмигрантов. В пределах данной небольшой статьи остановимся на так называемой «белой» эмиграции.

Как известно, русское эмигрантское сообщество никогда не было ни политически, ни социально однородным, и начавшаяся в сентябре 1939 года мировая война его окончательно расколола. По разные стороны барьера оказались генералы А.И. Деникин и П.Н. Краснов, писатели И.С. Шмелев и

И.А. Бунин, Д.С. Мережковский и М.А. Осоргин. И все-таки подавляющее большинство русских эмигрантов заняло антигитлеровскую позицию изначально, заняло ее, подчеркнем, тогда, когда Сталин и Гитлер воспринимались как союзники. Когда в 1939 году всем иностранцам во Франции было предложено подписать декларацию о верности республике, что означало, по сути, готовность сражаться во французской армии, ее не только подписали, но и во всех отношениях оправдали многие русские. Добровольно записывались во французскую армию многие младороссы, представители движения РСХД, члены общества «Круг», многие представители русского богемного Монпарнаса. Вообще поведению русской эмигрантской интеллигенции было в это время чрезвычайно свойственно жертвенно-героическое начало. Воплощением христианского пафоса самопожертвования стали судьбы И.И. Фондаминского и Е.Ю. Кузьминой-Караваевой. В своей знаменитой книге «Незамеченное поколение» В. Варшавский пишет о том, что для него, как и для большинства «русских мальчиков», русская интеллигенция началась со слов Радищева: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями людей уязвлена стала»¹, и о том, что и в кружке Фондаминского, и в монпарнасском сообществе поэтов радишевские слова помнили и были уверены, что «цель жизни не в счастье и успехе, а в отдаче себя делу борьбы за правду». «Отказ разделить судьбу окружающих людей, достигнутых ... испытанием, судьбу Франции и всей демократии» для них означал бы «измену всему, во что верили и что защищали на словах в полуночных монпарнасских разговорах о свободе и справедливости, “о Боге вообще”»². «Вот почти символ, – пишет Варшавский, – в первые же дни войны глава «парижской школы» Г.В. Адамович, скрывая порок сердца, в 45 лет записывается добровольцем во французскую армию»³. Прибавим, что такими же солдатами французской армии стали и сам Владимир Варшавский, и Николай Оцуп, и Борис Вильде, и Александр Бахрах; оставили, не раздумывая, дом и свою бельгийскую устроенность Зинаида Шаховская и ее муж Сергей Малевский-Малевич; осенью 1940 года начали выпускать газету с названием “Résistance” сотрудники парижского Музея Человека Борис Вильде и Анатолий Левицкий, расстрелянные за это в феврале 1942 года; участниками разросшегося движения Сопротивления стали Гайто Газданов и Вадим Андреев.

Каково же литературное воплощение этого нового опыта испытаний, страданий и борьбы? Если бы мы взяли его описать, прежде всего нужно было бы отметить, что он отлился большею частью в произведения документально-публицистического жанра: отсылаемые в США письма М. Осоргина («Письма из Франции»); вышедшие в 1946 и 1947 годах на французском языке книги Г. Газданова (“Je m’engage a défendre”⁴) и Г. Адамовича (“L’autre pa-

trie”⁵); «Дневник в стихах» Н. Оцуа; страницы трилогии Р. Гуля (часть вторая – «Россия во Франции»); третья книга мемуаров З. Шаховской («Безумная Клио»); опубликованные дневники Б. Вильде; упомянутая уже книга В. Варшавского «Незамеченное поколение».

Такая активизация жанрово-стилевых форм авторепрезентативного типа не случайна. Во время и после войны первая русская эмиграция определенно создавала (сначала бессознательно, а потом и осознанно) свою литературу свидетельства, пафос которой рождался, с одной стороны, из гражданской и человеческой экспрессии, а с другой, – из вполне естественного желания оставить «будущему историку» то, что они – русские эмигранты – видели и знали. Подчеркнем, что это видение было особенным: в нем, кроме общего для европейцев, присутствовал еще и совершенно специфический угол зрения, предопределенный социально, нравственно, национально. Ведь они чувствовали себя не только французскими, но и русскими патриотами, а потому должны были заявить о себе, оправдать свой эмигрантский статус, встать, наконец, в полный рост. При этом их русское происхождение заставляло кровно – именно кровно, а не со стороны – воспринимать все советское: боевые действия Красной Армии, действия советских партизан, изменения в Советской России, ставшие теперь такими наглядными. Максимальной выразительности этот «эмигрантский» пафос достиг в двух совершенно разных, но одинаково мастерски, одинаково блестяще написанных текстах – в книге Г. Газданова «На французской земле»⁶ и в книге В. Варшавского «Незамеченное поколение».

Документальная книга «На французской земле» есть, по существу, литературно воплощенное желание рассказать современникам-французам, а с другой стороны – увековечить в русской истории то, что было для Газданова самым удивительным и непостижимым в этой войне: отчаянную, героическую борьбу с гитлеровцами людей, которые были, казалось, почти уничтожены пленом и пытками, не знали ни языка, ни страны, где оказались, но несли в себе такую мощь сопротивления, такой «наивный и слепой героизм», что нельзя было не поверить в их «априорную непобедимость», а также в непобедимость их родины, которая «останавливала как стена, в течение долгой ее истории, все волны иностранных нашествий». Газданов превосходный рассказчик, и всё повествование представляет собой огромную мозаику, сложенную из различных историй, где проявляются те или иные качества его героев, советских партизан, высвечиваются их отношения с французами, с русскими эмигрантами. С точки зрения эстетической можно сказать, что Газданов создает своеобразную поэму в прозе, используя романтическую образность, энергию гиперболических обобщений, «крайние» и даже пафосные эпитеты,

¹ Варшавский В.С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 307.

² Там же. С. 309.

³ Там же. С. 310.

⁴ «Я вступаю в Сопротивление».

⁵ «Другое отечество».

⁶ Под этим названием была впервые на рус. яз. опубликована книга Газданова “Je m’engage a défendre” – Согласие, 1995. № 30 / Вступит. ст. Л. Диенеша.

историко-культурные аналогии. При этом писатель остается самим собой: здесь есть и чудесно прописанные психологические портреты, и стремление дать собственную, часто иррациональную (или абсолютно идеальную) интерпретацию поступкам и событиям, есть мягкая ирония и тонкая наблюдательность.

Книги В. Варшавского «Незамеченное поколение» имеет несколько иную устремленность. В последней – «военной» – главе своего исследовательского эссе, посвященного судьбе «незамеченного поколения», Варшавский явно кульминирует основные мотивы нравственных и духовных исканий «сыновей» эмиграции. Война для них – прежде всего, проверка на прочность. Проверка их идей, убеждений, совести. Словом, то испытание, которое только и может сделать настоящим их прошлое, оправдать и утвердить (если речь идет о людях пишущих) их литературное творчество. Не случайно эту главу предваряет эпиграф из Паскаля: «Я верю только тем свидетелям, которые дали себя резать». Как и Газданов, Варшавский создает свою галерею героев, но героев-эмигрантов. И если Газданов рассказывает истории, каждая из которых могла бы стать отдельной новеллой, Варшавский выдерживает намеренно протокольный стиль: приводит свидетельства очевидцев, отрывки из документов, публикации «Информационного бюллетеня» Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления. При этом и тот и другой, и Газданов, и Варшавский, делают всё, чтобы у читателя не возникло никаких сомнений в подлинности их «показаний». Вспомним паскалевский эпиграф Варшавского и начало книги Газданова: «В этой книге нет ничего вымышленного. Все факты, которые в ней приводятся, происходили в действительности»⁷.

С этим стремлением к точной и доподлинной документализации связано, по-видимому, и то, что оба автора, активно и героически вовлеченные в войну, о себе не пишут ровно ничего, даже в тех эпизодах и тех моментах, где их личное участие или эмоциональное понимание определенных реалий явно присутствует. Газданов не выходит из роли рассказчика даже тогда, когда излагает свою собственную историю приобщения к подпольной работе и редактированию русской газеты. Он просто говорит о «некоторых эпизодах», случившихся с одним из его приятелей. Очевидно, это единственный случай фальсификации в повествовании, где ничего, кроме правды, «ничего вымышленного». Точно так же поступает и В. Варшавский – нигде не изменяет сдержанному и лишь обобщающему авторскому «я». Там, где говорится о тюремных застенках гестапо и концентрационных лагерях, сквозь которые прошли Б. Вильде, А. Левицкий, В. Оболенская, мать Мария, неискушенный читатель никогда не догадается, что через это прошел когда-то и сам автор. Конечно, перед нами пример человеческой скромности, которая делает честь писателям, желающим сказать о других, однако в рамках литера-

турного текста это еще и прием, указывающий на преднамеренное устранение всякой субъективности, всякой личной заинтересованности.

Характерно, что отсвет документализма и автобиографизма лежит и на эмигрантской художественной прозе о войне. Ее, кстати, очень мало, поэтому в качестве примера можно взять две повести, почти одинаково преломляющих один и тот же типичный сюжет – молодой русский эмигрант, обрекая себя на войну. Это повесть Владимира Варшавского «Семь лет»⁸ и повесть Вадима Андреева «Дикое поле»⁹.

И первая, и вторая – выстроены вокруг судьбы главного героя – объективированного в тексте, но явно автобиографического персонажа. У Варшавского это Владимир Васильевич Гуськов, «в Париже неприкаянный иностранец», у Андреева – Павел Николаевич Осокин, учившийся и недоучившийся в Сорбонне, потерявший подданство своей страны и работающий десять лет на каучуковом заводе. Оба героя к моменту начала войны находятся в духовном упадке, жизненном тупике. Но вот Гуськов идет защищать Францию, а Осокин оказывается в потоке парижских беженцев – с этого момента начинается их подлинная жизнь. Герой Варшавского, преодолев ужас убийств и потерь, становится настоящим солдатом, попадает в плен, проходит школу тюрем и лагерей. Герой Андреева удочеряет осиротевшую после бомбежки девочку, поселяется с ней на острове Олерон в городе Сен-Дени, знакомится с советскими пленными, совместно с французами участвует в многочисленных акциях Сопротивления.

И все-таки при столь очевидном сюжетном сходстве финалы у В. Варшавского и В. Андреева совершенно разные. Герой Варшавского после долгих лет плена снова попадает в Париж. Он радуется тому, что город уцелел, радуется и тому, что, как он говорит – «наш “экип”, мои “русские мальчики” за себя постояли», но в Праге НКВД арестовало его отца, старого эмигранта, активно помогавшего советским пленным, и становится от этого «в мире опять душно и страшно». Осокин же у Андреева проникается такой симпатией к советским товарищам и французским коммунистам, что, обдумывая их с Лизой дальнейшую жизнь, не исключает возвращения в Советскую Россию. Подобный финал был, конечно, запрограммирован соображениями чисто конъюнктурного характера, ведь книга издавалась в СССР в издательстве «Советский писатель», но, опять-таки, оставался даже в этом совершенно автобиографическим, ибо сам В. Андреев действительно принял советское гражданство, хотя в Советскую Россию так и не вернулся окончательно.

Вообще тут начинается еще одна очень важная для эмигрантской «военной» литературы (да и для эмигрантской военной и послевоенной судьбы) тема – тема рефлексии по поводу советского. Она есть абсолютно у всех – и у Г. Адамовича, и у Р. Гуля, и у З. Шаховской. У Варшавского она тоже дает о се-

⁷ Газданов Г. На французской земле // Газданов Г. Собр. соч.: В 3 т. – М., 1996. Т. 3. С. 677.

⁸ Варшавский В.С. Семь лет. Париж, 1950.

⁹ Андреев В.Л. Дикое поле. М.: Сов. писатель, 1967.

бе знать. Его герою – Владимиру Гуськову – «ужасно хотелось понять, что за люди советские пленные», но при встрече с советскими военными, отбившими и фактически освободившими партию пленных, он слышит ужасную для себя угрозу: «Ну вот, посадят вас теперь в хорошие русские вагоны, и поедете в Москву, а там НКВД разберет...»¹⁰. Впервые в жизни чувствует Гуськов свое отличие от русских, настоящих русских, из России. Один из красноармейцев говорит о нем: «Француз!» – и он рад этому, хотя и удивлен: «С детства я привык смотреть на французов как на иностранцев»¹¹.

Пожалуй, наиболее объективен по отношению к явившемуся в Европу путями войны советскому миру Г. Газданов. В советских партизанах видит он какую-то новую породу людей – со своими представлениями о мире, со своим дисциплинарным (очень дисциплинированными) и бытовым (совершенно, как ни парадоксально, безбытным) укладом, со своими физическими особенностями (выделяются внешней, чисто физической «выразительностью»), со своими интонациями голоса (у их голосов «другая тональность»). Ни на миг Газданов не склоняется, как, например, В. Андреев, к тому, чтобы принять советскую идеологию, но пишет о советских людях с огромным сочувствием, интересом, восхищением. Советские партизаны и русские эмигранты у него не расходятся в главном: «когда речь идет о защите ... родины», вопрос – «какая она – коммунистическая или некоммунистическая» – на обсуждение не ставится». Война и общее дело борьбы с фашизмом в газдановском повествовании выявляет главное в людях – их нравственный потенциал, ко-

торый не зависит от идеологии. И среди эмигрантов, и среди советских есть коллаборационисты, но их меньшинство. В большинстве же случаев война объединяет именно хороших, нравственно чистых и мужественных людей – русских и французов, эмигрантов с двадцатилетним стажем европейской жизни и советских граждан, бежавших с принудительных работ или лагерей. Все они становятся «боевыми товарищами», их отчуждение чудесным образом преодолевается. Описание одного из лесных партизанских лагерей в какой-то мере является символом этого братства: «Помимо советских партизан, там было четверо эмигрантов... Над штабным палатками легкий ветер раздувал русские и французские флаги. Вечерами партизаны собирались вместе и пели русские песни; и это было, в общем, экстерриториальное лесное пространство, затерянное на западе пленной Европы, какой-то, почти отвлеченный, кусок российской земли во время второй отечественной войны»¹².

В целом надо признать, что позиция первой русской эмиграции – в том виде, в каком она реконструируется по литературным источникам, – была безусловно патриотической по отношению к России, нравственно-гуманистической по духу и полностью антифашистской. (Другое отношение существовало, но никаких следов в литературной летописи от него не сохранилось.) Все эти простые утверждения тем более важны, что к литературе, созданной «второй волной» эмиграции, применимы лишь с очень большими и сложными оговорками, но это – совсем другая тема и еще одна «другая» литература о войне.

¹⁰ *Варшавский В.С.* Указ. соч. С. 251.

¹¹ Там же. С. 248.

¹² *Газданов Г.* Указ. соч. С. 703.